

УДК 316.423.3; 316.48; 93; 930.2
DOI: 10.17223/1998863X/44/23

Н.С. Розов, Ю.А. Пустовойт, С.И. Филиппов

ДИНАМИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЛНЫ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ «ВЕСНЫ НАРОДОВ» 1848–1949 ГГ.¹

На материале революций 1848–1849 гг. в итальянских и германских обществах анализируются факторы и закономерности революционной динамики. В статье реализован теоретико-исторический подход в сравнительной политологии, включающий челночные движения между выдвижением гипотез и систематическим сравнением случаев для их проверки и коррекции. Уточняются факторы создания революционной ситуации и проверяется гипотеза «восполнения» недостающих факторов благодаря внешнему влиянию революций в соседних и /или высокореперентных обществах.

Ключевые слова: революционные волны, революции 1848–1849 гг., сравнительная политология, исторические закономерности, революционная динамика, революционная ситуация, факторы нестабильности, социально-политический кризис, национально-освободительная борьба, делегитимация власти, лояльность силовых структур, раскол элит.

«Весна народов» как историческая лаборатория сравнительной политологии

«Весна народов», объединяющая социальные и национально-освободительные революции, а также связанные с ними политические кризисы, международные и гражданские войны в Западной и Центральной Европе середины XIX в., является не только ярким классическим примером революционной волны, но также благодаря разнообразию событий и итогов революций в каждом вовлеченном в волну обществе позволяет выявлять факторы, механизмы и закономерности революционной динамики с учетом как внутренних процессов, так и международного взаимодействия.

Целесообразно выделять в качестве участников революционной волны не государства, а общества, понимаемые как этнические, культурные, институциональные и территориальные единства. Францию и тогдашние германские² государства можно считать одновременно государствами и обществами. Совсем иначе дело обстояло с Австрийской империей, где Чехия, Венгрия, балканские, а также итальянские провинции (Венеция и Ломбардия) по вышеуказанным признакам были отдельными обществами; соответственно, революции протекали в них по-разному, пусть и в связи с центральным имперским обществом и его столицей – Венной.

¹ Статья подготовлена при поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ, проект 16-03-00318-ОГН «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ».

² Тесные культурные, экономические и крепнувшие военно-политические связи уже начинали соединять малые германские государства в единое общество, причем тогда еще не было определено: будут ли они объединяться вокруг Вены или вокруг Берлина.

Гипотеза восполнения факторов революции за счет «волны»

Исходная гипотеза относительно участия / неучастия обществ в революционной волне заключается в том, что революционные события вначале возникают только в обществе-доноре, «дозревшем до революции» (метафора К. Маркса), т.е. с накопившимися напряжениями, слабостью режима и прочими факторами, которые составляют «революционную ситуацию».

Другие общества (часто соседние, родственные по языку, культуре, религии с обществом-донором или имеющие с ним тесные культурные, экономические и политические связи) «дозревают» до революции в существенно разной мере. В них либо возникает достаточный уровень нестабильности, который благодаря «заражению» приводит к революции, либо действуют стабильные, легитимные, сильные режимы, неуязвимые для революционного влияния. В средних случаях – возникают волнения, протесты, но революции не происходит. Очевидно, волну подхватывают общества с максимумом потенциальной нестабильности – уже имеющейся революционной ситуацией. Но эффекта нескольких революций достаточно, чтобы «революционный пожар» «воспламенил» даже общества с относительно стабильными режимами [1].

Исследование вовлеченности в революционную волну было проведено в два этапа. Вначале был рассмотрен широкий набор 28 гипотетических бинарных факторов, почерпнутых из современных сравнительно-исторических исследований революций [1–7]. По этим факторам проведено сравнение обществ, переживших революционные потрясения (Франция, Пруссия, центральное общество и этнические провинции Австрийской империи) и избежавших их (Россия, Испания, Великобритания). На основе изучения факторов, показавших наибольшую значимость, были сформулированы критерии оценки степени их выраженности, причем в таких терминах, что их можно применять как к событиям прошлых веков, так и к сегодняшним реалиям.

Факторы «созревания» революционной ситуации

О высоком уровне *делегитимации власти и режима* свидетельствуют обилие весьма популярных текстов, дискредитирующих власть, постоянно вспыхивающие протесты, уличные выступления, забастовки, стачки, шествия с лозунгами «долой!», мятежи и восстания, проведение открытых или тайных собраний, где систематически критикуют власти, обсуждают политические идеи, требования, замышляют коллективные действия.

О *слабости и неэффективности правительства* свидетельствуют громкие провалы на внешней арене, причем правительство неоднократно дает неадекватные ответы на вызовы, что ухудшает ситуацию и вызывает возмущение. Имеет место также низкая собираемость налогов. Дефицит бюджета и государственные долги не позволяют правительству выполнять основные обязательства, связанные с обеспечением порядка и безопасности, в том числе платить за службу полицейским, военным. Правительству не удается ограничивать растущую коррупцию, мирным или военным путем справляться с протестами, мятежами, которые перерастают в восстания.

Раскол элит происходит, когда есть известная и влиятельная фронда обиженных представителей элит (административной, силовой, финансовой, промышленной, торговой, религиозной, медийной, интеллектуальной), есть свидетельства заговоров среди чиновничества и / или держателей ресурсов, есть яркие случаи значимой, систематической поддержки радикальных оппозиционеров со стороны представителей административной и / или коммерческой элиты, их сотрудничества с низовыми протестными группами.

О *низкой лояльности силовых структур (аппарата принуждения)* свидетельствуют частые отказы полиции и военных выполнять репрессивные действия, когда известны заговоры среди генералитета и офицерства. Наиболее популярные в войсках военачальники отправлены в отставку, находятся в опале или эмигрировали. Те, кто демонстрирует приверженность правительству, поддержку режиму, сами не пользуются уважением среди военных и полиции.

Наличие и влиятельность политической альтернативы – это сочетание популярных идей, известных харизматичных лидеров и дееспособной организации со структурами, методами рекрутирования, мобилизации сторонников, координации политических действий.

Наличие и величина масс недовольных, «горючего материала» – это концентрация (либо в столице, либо на географически защищенных окраинах) возбужденных, готовых к протесту и радикальным политическим действиям социальных групп. Этому фактору особенно способствуют высокая безработица, «молодежный бугор» в крупных городах, обрушение надежд на рост благосостояния.

Уровень социально-политической нестабильности складывается из значений по всем указанным факторам. Как и следовало ожидать, для обществ, не вовлеченных в революционную волну (Англия, Испания, Швейцария, Нидерланды, Россия) этот уровень на начало 1848 г. был весьма низким, тогда как для всех вовлеченных обществ (Франция, Пруссия, Баден, центр Австрии, Чехия, Польша, Венгрия, Венеция, Ломбардия, Пьемонт, Папская область, Неаполь, Сицилия) уровень нестабильности был высок.

Первоначальная мысль объяснить исходы революций в разных обществах разными сочетаниями факторов не подтвердилась, потому что множество поражений революций (в том числе подавления появившихся вследствие революций республик) произошло под действием внешней военной силы: австрийской и российской армий.

Не получилось выявить зависимость интенсивности революций в разных обществах от удаленности уровня референтности претерпевавших революцию обществ-доноров. Франция оставалась в ту эпоху высокореферентной в культурном и международном планах для всех западноевропейских обществ (и не только для них). Ослабление и укрепление императорской власти в Вене также сильно воздействовало на все ее провинции и зависимые общества.

Кроме того, в рамках концептуализации шести факторов не объясняется первый случай данной революционной волны – Сицилийское восстание в январе 1848 г. Если столь же высокий уровень нестабильности во Франции привел к революции вследствие внутреннего триггера, а последующие вступившие в волну общества, очевидно, восполняли свою нестабильность

успешным примером Франции (первого общества-донора) и впечатлением от последующей «Весны народов», то для Сицилии значимого внутреннего триггера не было, а революции во Франции тогда еще не произошло.

Сицилийское восстание – начало революционной волны?

Среди авторов статьи возник спор: относить ли вообще Сицилийское восстание к революционной волне 1848–1849 гг., не относится ли оно совсем к иному типу явлений – национально-освободительным восстаниям и войнам? Поскольку аспект борьбы с иноземным правлением присутствовал также во всех этнических провинциях Австрийской империи (Венгрия, Чехия, Венеция, Ломбардия) и зависимых от нее итальянских обществах (Пьемонт, Тоскана), то было решено национально-освободительный аспект не исключать из рассмотрения, а, напротив, считать значимым моментом, увеличивающим нестабильность и готовность к революции.

Более или менее понятно, почему обстановка на Сицилии была столь напряженной, ведь для восстания и даже убедительной его победы стало достаточно внешнего триггера (эту роль сыграли провокации австрийцев в Милане 3 января 1848 г.). Если указать на конкретные причины, то получим объяснение *ad hoc*, а это резко сужает эмпирическое поле приложения теоретической модели [8]. Поэтому к шести представленным выше факторам были добавлены еще три.

Отчуждение основной массы населения от инокультурной правящей элиты, которая закрыта, резко отличается от основной массы населения этничностью, языком, культурой, возможно, вероисповеданием, причем социальное недовольство, критика, протесты выражаются через националистическую или (при разной вере) конфессиональную риторику.

Политическая актуальность памяти о прошлой национальной независимости, когда мечты и планы восстановления независимости доминируют в политическом дискурсе, возникают сообщества, организации, совершающие политические действия в этом направлении; есть свидетельства готовности жертвовать личным благополучием ради «освобождения».

Наличие организованных вооруженных отрядов (официальных или подпольных) с военным или повстанческим опытом, когда имеется сеть скоординированных вооруженных отрядов с опытом насильственных акций, боевых действий, получающих поддержку и подкрепление от местного населения.

В Сицилии конца 1840-х гг. все эти три фактора были сильны, что вполне объясняет январское восстание 1848 г., вспыхнувшее благодаря внешнему (миланскому) триггеру.

Внешнее вмешательство, легитимность и геополитика революций

Факторы национально-освободительной активности были весьма различны в разных провинциях Австрийской империи (Венеция, Ломбардия, Венгрия, Чехия) и зависимых от нее территориях (Пьемонт, Тоскана). Первоначальный успех восстаний в каждом из данных обществ зависел именно от этих факторов. В случае Венгрии имела место «матрешечная» структура, где сербы в Воеводине и хорваты выступали против венгров и в защиту империи.

В Словакии и Трансильвании происходили также сложные процессы, колебания между поддержкой Венгрии и империи (Австрии).

В большинстве случаев, тем не менее, революции в подчиненных и зависимых обществах Австрийской империи были подавлены австрийскими войсками (Венеция, Ломбардия, Пьемонт, Чехия) с участием пришедшей на помощь Вене российской армии (Венгрия). Революционные ячейки в Польше (тогда – западной провинции Российской империи) были быстро раскрыты, а их участники схвачены и сосланы. Республики в Молдавии и Валахии были уничтожены совместными действиями Российской и Османской империй.

Сопоставление успехов и поражений революций с такими характеристиками, как уровень зависимости от имперского правления, могущество и престиж имперского центра, потенциал международного охранительного союза, символическая значимость территории для империи или союза, позволяет объяснить некоторые элементы динамики «Весны народов». Военная фортуна переменчива, зависит не только от мощи и вооруженности армий, но также от их консолидированности, решимости, готовности офицеров и бойцов идти на смерть ради своих святынь, будь то монарх или республика.

Сформулируем принципы взаимосвязи в революционный период внутренней политической динамики и геополитики.

1. Военная победа всегда повышает легитимность победителя, в роли которого может оказаться как революционное правительство, республика, так и контрреволюционная монархия.

2. Яркие военные победы имперского центра маргинализуют оппозицию, повышают лояльность окраин, снижают поддержку сепаратистов.

3. Внешние поражения усиливают политический кризис в центре державы, что ослабляет ее военную мощь и усиливает сепаратизм. Внешние поражения постреволюционных режимов делегитимируют не только власть и лидеров, но также символы, лозунги и идеологию революции.

4. Судьба революции зависит от того, какое поле борьбы станет решающим: мирное институциональное, в том числе электоральное, военное или промежуточное (уличные протесты, их подавление, попытки свержения власти или ее реставрации), а также от того, чья сторона в решающем поле имеет преимущество в специфических для данного поля ресурсах [9].

5. Для мирной институциональной борьбы наибольшее значение имеют символические ресурсы, поддержка со стороны авторитетных изданий, публицистов, моральных лидеров, а также административные и организационные ресурсы для мирного продвижения своей политики и мобилизации электората.

6. В поле уличного насилия, при попытках захвата правительственных зданий, свержения власти, ответных репрессий главную роль играет соотношение уровней силовой и популярной легитимности у противостоящих сторон; чаще всего легитимность действующей власти существенно выше, поэтому уличные протесты, мятежи подавляются; в редких случаях значительно выше легитимность протеста, тогда власть свергают быстро и уверенно.

7. Наряду с долговременными факторами легитимности сторон на ее динамику в кризисный период действуют ситуативные обстоятельства, а также интуитивная чувствительность лидеров к тому, какие лозунги, какая риторика наиболее эффективные и мобилизующие. Предположительно, на первый

план выходит демонстрация причастности к таким символам, святыням, социальным и политическим проектам, которые более всего соответствуют картине мира, ценностным установкам, идентичностям и актуальным интересам потенциальных приверженцев.

8. В наиболее трудных для анализа случаях примерно равного уровня легитимности конфликтующих сторон главную роль играет способность лидеров внушить как приверженцам, так и противникам, что именно они обладают преимущественной легитимностью и с неизбежностью побеждают.

9. Поскольку большинство участников (в том числе в элитах и силовых структурах) оппортунистично и опасается, прежде всего, оказаться на проигравшей стороне, пик противостояния обычно не длится более 2–3 суток, после чего победившая сторона обрастает сторонниками, подобно снежному кому [10. С. 120–126].

10. В таких случаях максимальную роль играет случайность: чья сила оказалась успешнее в той точке, преобладание в которой вдохновило приверженцев одной стороны, а другую сторону привело к бегству или сдаче на милость победителя. Требуемый ресурс для победы в поле уличной насильственной политики, таким образом, наиболее неуловимый: он включает способность лидеров угадать, захват и / или удержание каких символических объектов приведет к перелому настроений и победе.

11. Для вооруженного конфликта (в пределе – гражданской войны) успех той или иной стороны определяется известными военно-организационными и военно-техническими факторами: планирование и координация действий, эффективное управление, дисциплина, способы ведения боя, военный опыт офицеров и бойцов, величина подразделений, качество оружия, умение им пользоваться и т.п.

12. Наряду с этим успех во многом определяется геополитическими и социальными обстоятельствами: наличием / отсутствием внешних союзников, характером, масштабом их поддержки, а также солидарностью / разобщенностью ведущего войну общества, способностью его лидеров и элит мобилизовать армию и ополчение вокруг символов, достойных того, чтобы ради них люди шли умирать и умирать.

Далее будет показано, как в итальянских и германских обществах сложным образом взаимодействовали процессы изменчивого военного могущества, престижа и процессы, явления революционной динамики.

Динамика революций в итальянских обществах

Революция 1848–1849 гг. была одним из эпизодов борьбы за становление итальянского государства («Рисорджименто», возрождение), процесса, развернувшегося на территории Италии с 1820 (восстание в Неаполитанском королевстве) по 1871 г. (когда Рим объявлен столицей Италии). В целом эти события подтверждают гипотезу о факторах «созревания» обществ для включения в революционную волну.

Согласно решениям Венского конгресса, на территории Италии было учреждено восемь государств, самое крупное и промышленно развитое из которых (Ломбардия-Венеция) стало частью Австрийской империи. Остальные, получив формальную самостоятельность, вынуждены были считаться с

основными направлениями австрийской внешней политики, для которой Италия была, по словам Меттерниха, лишь «географическим понятием».

Все выделенные причинные факторы были выражены в итальянских обществах весьма сильно: отчуждение общества от инокультурной (австрийской) правящей элиты, соответствующая делегитимация власти, неэффективность правительства (поводом для выступления в Милане в январе 1848 г. стал новый налог на табак [11. С. 37]), раскол элит на про- и антиимперские группировки, наличие политической альтернативы (освобождение и объединение Италии), недовольные массы.

Низкая лояльность силовых структур определялась тем, что часть австрийской армии состояла из итальянцев. Они и стали вовлекаться в революционные выступления, причем многие не только симпатизировали восставшим, но и были готовы умирать за дело революции. Так, братья Бандьера – сыновья итальянского адмирала австрийского флота – могли рассчитывать на блестящую карьеру, а вовсе не на расстрел [12. С. 16–17]. Сопrotивление австрийской власти проявлялось практически во всех социальных группах. Отчуждение и неприятие австрийской культуры, память о прошлом, наличие тайных организаций и вооруженных отрядов – эти факторы характеризуют все пятьдесят лет активной борьбы за национальное объединение.

Ядром сопротивления в разное время были тайные общества «карбонариев», поднимавшие неудачные восстания в 1830–1831 и 1841–1842 гг. Этими восстаниями руководил вначале Джузеппе Мадзини при поддержке либеральной общественности, объединенной вокруг текстов В. Джоберти. Позже, с 1847 г., итальянские монархи, объединенные вокруг реформаторской деятельности вновь избранного папы Пия IX, хотя и не подвергали сомнению основные доктрины абсолютизма, тем не менее поддерживали идеи национального суверенитета, распространения гражданских свобод и конституционных преобразований [13. С. 101–103]. Гимном сопротивления стал хор еврейских рабов из оперы Верди «Набукко», он служил своеобразным паролем участников антиавстрийских сил [14. С. 149].

О причинах восстания в Сицилии в январе 1848 г. было сказано выше, к ним добавилось «дурное правление» местного монарха. Восставшие добиваются своих целей, и к февралю уже четыре итальянские монархии получили конституции. 17 марта происходит Миланское восстание – ответ на революцию в Вене, далее начинается революция в Венеции с провозглашением «Республики святого Марка». Фактически произошло восстановление республики, поскольку венецианцы жили при монархиях лишь последние пять десятилетий [15. С. 224–232]. Эффект революционной волны между обществами здесь имеет дополнительное качество: тесную причинную связь между политическим кризисом в центре державы и ростом сепаратизма инокультурных провинций (ср. с принципом 3).

Италия была обречена на революцию, которая, однако, была обречена на поражение. Слишком разнородны и недостаточно солидарны между собой были тогда желавшие «делать историю», слишком разные были у них цели и образы будущего, слишком мала поддержка населения. Примерно 4/5 населения страны составляли крестьяне, жившие в условиях вполне средневековой феодальной эксплуатации [Там же. С. 104]. Для этих бедных, богобоязненных, патриархальных и консервативных людей были далеки и непонятны

идеи «прогрессивной общественности», тогда представляемой итальянским образованным, зажиточным классом, воспринимавшим демократическую риторику Англии и Франции. Это классовое и сословное отчуждение сыграло затем роль в военных поражениях итальянцев (принцип 12), что и привело к провалу революций и национально-освободительной борьбы (принцип 3).

Размежевание в итальянских обществах проходило не только по линии патриоты / коллаборационисты, но и в самом революционном движении. Одновременно существовали консервативно-монархическая, умеренно-либеральная и республиканская партии со своими социальными группами поддержки: патриархальным крестьянством, либеральной буржуазией, средней и мелкой буржуазией, пролетариатом [11. С. 27]. Одна только драматическая история политических союзов, разрывов, конфликтов талантливого полководца Гарибальди с итальянскими монархами и политиками-республиканцами свидетельствует об остроте напряжений и слабой способности к солидарным действиям в итальянских обществах тех годов. Кстати, конфликт с Мадзини в мае 1949 г. был связан как раз с предложением Гарибальди вооружить крестьян для защиты республики в Риме, начать партизанскую войну во всей Италии, чему умеренный Мадзини резко противился.

Стремления к национальному освобождению, объединению страны и последующему государственному строительству совмещались в итальянских обществах с надеждами на демократизацию и жадной социальной справедливости. Здесь есть некое сходство с известной «дилеммой одновременности», когда несколько больших целей не помогают, а мешают друг другу.

С международной помощью революции тоже не заладилось (принцип 12). Англия со временем перестала оказывать даже моральную поддержку итальянским мятежникам, а послереволюционная Франция даже участвовала в подавлении Римской республики в 1849 г. по просьбе вчерашнего «духовного вождя» революции папы Пия IX, изменившего свои взгляды на диаметрально противоположные.

Революционный триумф вскоре сменился стратегическими и тактическими военными просчетами, которые привели к двум катастрофическим военным поражениям лидера национального освобождения – государства Пьемонта. Спад революции в Европе, отсутствие геополитических союзников у восставших, военные победы «охранительного союза» закономерно снижали уровень популярности национальных лидеров и провозглашаемых ими идей. Регулярная имперская армия подавила сопротивление горожан-республиканцев Милана, Тосканы, Палермо, Рима и Венеции, несмотря на все мужество участников баррикадных боев, несмотря на полководческие таланты и успехи метавшегося со своими отрядами по всей Италии Гарибальди.

Вполне закономерно победы австрийцев укрепили легитимность центральной имперской власти в Вене (принцип 1), что привело к маргинализации, ослаблению и последующим поражениям революций в инокультурных провинциях уже за пределами итальянских земель (принцип 2).

Поражение революции в Италии было обусловлено также неспособностью к объединению сил, отсутствием координации идеологических программ и интересов территорий, неспособностью привлечь крестьянские массы, интересы которых лидерами революции фактически игнорировались [Там же. С. 68–71]. Одним из итогов революции 1848–1849 гг. стало появление в

итальянском языке выражения «fare un quarantotto» (сделать сорок восьмой), что означает «устроить неразбериху и хаос». Валерио Линтнер в своей книге «Италия. История страны» утверждает отрицательный вклад этих событий в процесс становления новой Италии, говоря, что страна возникла «из пепла 1848 г.» [16. С. 303].

Единственное оставшееся независимым и конституционным государство – Пьемонт – стало прибежищем для уцелевших республиканцев-революционеров и лидером национального объединения под руководством консервативного «Итальянского национального общества», включавшего в себя и монархистов, и демократов, отказавшихся (как потом оказалось, не навсегда) от республиканских взглядов.

Итак, революции в итальянских обществах были подавлены через внешнее военное поражение, вызванное внутренней разобщенностью и отсутствием широкой социальной поддержки и геополитических союзников.

Монархисты-либералы группировались вокруг Пьемонтского короля Виктора Эммануила II, они сумели создать привлекательный образ защитников интересов «итальянской нации», интегрировать для своих целей радикальные республиканские группировки, военные таланты и харизму того же Гарибальди. С конца 1850-х гг. итальянцы достаточно удачно заключали антиавстрийские геополитические союзы с Францией, Россией и Пруссией, пропагандировали объединение и освобождение Италии, сумели наладить сотрудничество разных политических сил, что и привело к успеху.

Таким образом, как поражение итальянских революций в период «Весны народов», так и контрастный случай последующего освобождения, объединения и триумфа Италии подтверждают сформулированные выше общие теоретические закономерности революционной динамики, связанные с военными, геополитическими и социальными факторами.

Германский союз и революция в Пруссии

В отечественной и зарубежной (прежде всего немецкой) историографии сложилось двойственное восприятие революций 1848–1849 гг. в странах Германского союза.

С одной стороны, германский этап «Весны народов» воспринимается как вызывающая разочарование неудача. Г. Гейне говорил, что «революция – несчастье, но еще большее несчастье – неудавшаяся революция» [13; 15; 17. С. 280]. Действительно, не была достигнута одна из главных целей революции – образование единого демократического германского государства. Созданные в первые революционные дни демократические институты – парламенты, формируемые на основе всеобщего избирательного права, демократические свободы – были либо вовсе упразднены (Франкфуртское Национальное собрание, либеральные конституции и учреждения в Вюртемберге и Саксонии), либо существенно ограничены в своих полномочиях, яркий пример чему – прусское Национальное собрание.

С другой стороны, «пессимистическая» оценка результатов Германской революции 1848–1849 гг. не препятствует позитивному отношению к ней в немецком общественном сознании. Так, церковь св. Павла, где проходили заседания общегерманского Национального собрания, является одним из самых значимых национальных символов. Разрушенное во время Второй миро-

вой войны здание было восстановлено одним из первых в городе, получив почетное наименование «Колыбель немецкой демократии». Депутаты первого общегерманского парламента, такие как Р. Блум, расстрелянный по приговору австрийского суда в ноябре 1848 г., включены в пантеон положительных героев немецкой исторической памяти.

Следует признать, что позитивная оценка «Весны народов» в Немецком союзе имеет основания. Если в качестве критерия успешности революции взять не только «высокие», хотя и частные для тех или иных регионов цели, (не)достижение которых зависело от ряда конкретно-исторических условий, а общую демократизацию, показателями которой выступают создание новых институтов и расширение политического участия, то при общем поражении германской демократии в некоторых государствах Германского союза революции оказались вполне успешными.

Показательными являются революционные события в Пруссии. Несмотря на реванш контрреволюционных сил, там была принята конституция, созвано Национальное собрание, формируемое на основе трехклассной выборной системы (чем больше налогов платит избиратель – тем «весомее» его голос). Таким образом, существенно возросло политическое участие, пусть и за счет крупной и средней буржуазии и ее представителей.

Национальное собрание не было марионеточным органом, оно обладало законодательной инициативой и определяло государственные расходы. Депутаты прусского парламента не боялись перечить исполнительной власти: в 1861 г. король Вильгельм I из-за разногласий с либералами из парламента по поводу увеличения военных ассигнований даже подумывал об отречении от престола, тогда пришлось призывать на помощь Бисмарка («Бешеного»).

Удивление может вызвать само свершение революции в Пруссии: революционной ситуации к марту 1848 г. здесь не сложилось. Признаков делегитимации режима не выявлено, эффективность правительства можно охарактеризовать как относительно высокую (наблюдался некоторый дефицит бюджета, но он был не столь критичен: на выплату жалования чиновникам, полиции и военным денег хватало).

Имели место противоречия между финансово-экономическими и политическими элитами: введение конституционного правления выдвигалось либерально настроенной буржуазией (прежде всего, из Рейнской области, вошедшей в состав Пруссии по решению Венского конгресса 1815 г.) как условие предоставления внутренних займов правительству для строительства железной дороги в Восточной Пруссии, на что государственных средств не хватало [15. С. 69]. Нет данных о нелояльности армии или полиции (были опасения командования относительно лояльности воинских частей, но собственно случаев неповиновения солдат и офицеров королевской армии зафиксировано не было). Нет данных также о подпольных вооруженных группах в Пруссии накануне революции (оппозиционно настроенные подданные короля концентрировались вокруг газет и литературных объединений).

Имела место сильная политическая альтернатива существующему порядку (введение конституции, демократизация, объединение страны, что было в институциональном плане выражено в созыве всегерманского Национального собрания на основе всеобщего избирательного права), были и массы недовольных (иначе не было бы и выступлений и протестов, настолько

испугавших членов правящей династии, включая короля, что те бежали из столицы). Тем не менее действенность «революциогенных» внутренних факторов в своей совокупности оказалась ниже, чем во Франции или в Бадене, где и началась германская революция.

Таким образом, недостаток эндогенных факторов в случае Пруссии должен быть дополнен внешними (экзогенными) факторами, к которым относятся успех революции в обществе-доноре (для Пруссии таким обществом была Франция), близость и референтность обществ, в которых произошла революция. Таковыми были, наряду с Францией, Австрия, другие государства Немецкого союза, граничащие с Пруссией и пережившие революционный взрыв – данный фактор имел кумулятивное значение, поскольку Берлин был последней из германских столиц, в которых произошла революция. Наконец, имел место волновой эффект, возникающий в обществах, тесно связанных друг с другом в экономическом, политическом, культурном, институциональном аспектах. Пруссию можно с уверенностью назвать «жертвой» данного фактора.

Королевство было тесно связано с большинством государств Германского союза общими институтами: Союзный сейм, Таможенный союз, обеспечивающий мобильность людей и товаров между государствами-членами Союза, совместные вооруженные формирования (союзные крепости на границе с Францией). Все эти институты и сети взаимодействия облегчили распространение революционной волны: Л. Кампгаузен и Д. Ганземан – глава и министр финансов либеральных «мартовских» кабинетов Пруссии – были богатыми предпринимателями Рейнской области (соответственно в Кельне и Аахене), тесно связанными с либералами из других немецких государств. Д. Ганземан, например, принимал участие в совещании либералов 5 марта 1848 г. в Гейдельберге [18. С. 195].

Итак, революция в Пруссии была закономерна, в том числе и в силу ее интенсивного взаимодействия с обществами, где успешные революционные вспышки произошли ранее. Но почему прусская революция оказалась относительно успешна в аспекте продвижения общей демократизации и институциональных изменений? Ведь король был вполне в состоянии все отменить, когда оправился от первого испуга.

Судя по всему, введенная в 1850 г. трехклассная избирательная система, которая увеличивала политическое участие, прежде всего, крупной и средней буржуазии, была не уступкой революционерам, а продуманным государственным решением: будущее Пруссии было связано не столько с традиционным юнкерством, сколько с крупными предпринимателями, производителями угля, стали, пушек, сконцентрированными на Западе. Кроме того, правительство нуждалось в деньгах и внутренних займах, которые могли предоставить, опять-таки, не обедневшие юнкеры, сами живущие с государственной службы, а крупные предприниматели – взамен они допускались к управлению государством.

Почему же потерпела поражение германская революция в целом (общегерманский парламент был распущен, его проекты объединения Германии в тот период не реализованы)? Во-первых, легитимность и престиж Франкфуртского парламента были подорваны крупным геополитическим провалом (см. принцип 3): весной 1848 г. прусская армия по поручению Германского

союза начала войну против Дании за герцогства на Эльбе (Шлезвиг и Гольштейн), которые находились в личной унии с датской короной, но были также тесно связаны и с Германским союзом (Гольштейн был членом Союза, его население было немецким, на юге Шлезвига тоже жили преимущественно немцы)¹.

Еще одним условием поражения германской революции стало выдвижение «контрреволюционными силами», в частности королем Пруссии, в 1849 г. альтернативной программы объединения Германии на условиях большего федерализма, чем предусматривала имперская конституция, разработанная во Франкфурте [19. С. 469], данная программа могла найти поддержку среди сторонников единой Германии, но не вызвала отторжения «партикуляристских» политических элит германских государств. Таким образом, широко распространенные и усиливавшиеся настроения к объединению Германии (еще со времени победы над Наполеоном и пламенных речей Фихте к немецкой нации) были с большим успехом подхвачены консервативными, а не революционными силами, что и обусловило кардинальный сдвиг в легитимности.

Иллюзорное единство в Мартовской революции 1848 г. быстро сменилось глубоким расколом и отчуждением между радикалами и умеренными. Если первые ратовали за республику и выражали настроения рабочих поравнительной, социалистической ориентации, то вторые представляли широкий и влиятельный слой бюргеров, резонно опасавшихся поравнения, с которым ассоциировалась и республика. Не случайно бюргеры после Марта 1848 г. стали все больше склоняться к поддержке монархии, поскольку в германских государствах она не ассоциировалась с устаревшим типом автократии с традиционным и клерикальным типом легитимности (что было характерно в отношении французов к монархии Бурбонов, а русских – к монархии Романовых). Еще с XVIII в. короли небольших германских государств (самым талантливым и знаменитым из которых был Фридрих Великий) вели вполне прогрессивную политику с поддержкой нового образования, науки, технологий, промышленности, выращивали эффективную бюрократию, достаточно уважительно относились к самоуправлению городов. Нет ничего удивительного, что в период революционного кризиса бюргеры видели защиту своих интересов именно в монархии такого рода, которая должна была быть лишь мягко дополнена парламентаризмом, утверждением базовых гражданских свобод, но никак не отменена. Эти эффекты ярко проявились в поле мирных дебатов Франкфуртского предпарламента, где республиканцы (Струве и Геккер) потерпели поражение (принцип 5).

¹ Поводом для войны стали намерения нового датского короля окончательно присоединить Шлезвиг к Дании, а также реакция немецкого населения герцогств – создание в г. Киле временного правительства, которое обратилось к Германскому союзу с просьбой принять в его члены Шлезвиг. Общегерманский парламент подтвердил состояние войны с Данией, заявив, что война за Шлезвиг и Гольштейн является делом всех немцев. Война пользовалась в Германии большой популярностью и велась успешно, однако по настоянию Англии и России Пруссия заключила 26 августа 1848 г. перемирие с Данией, согласившись на упразднение временного правительства в Киле и вывод германских войск из Шлезвига. Франкфуртский парламент был вынужден 16 сентября 1848 г. ратифицировать перемирие в Мальме, что вызвало возмущение и даже вооруженные выступления во Франкфурте. Вина за «измену общегерманскому делу» была возложена на Франкфуртское Национальное собрание [19. С. 462–464].

Соотношение легитимности защитников монархии и революционных республиканцев вполне закономерно проявилось в разных уровнях поддержки сторон, когда в апреле 1848 г. началась военная мобилизация и произошла малая гражданская война в Бадене (принцип б). Республиканские повстанцы во главе с Геккером были убедительно подавлены регулярными войсками. Позже большую роль сыграл эффект августовского поражения революции в высокореферентном имперском центре – Вене. Как видим, динамические связи внутри революционной волны работают не только на «разжигание», но и на «тушение» протестных настроений и восстаний.

Итак, сложная и разнообразная динамика революционной волны «Весны народов» 1848–1849 гг. дает возможность усматривать и выявлять универсальные закономерности, действие которых всегда специфично, поскольку определяется множеством разнопорядковых обстоятельств. Макросоциологические и сравнительно-политологические исследования революционных волн показывают плодотворность подхода, притом что остается обширное поле неизвестного.

Литература

1. Цирель С.В. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // Ойкумена. Харьков, 2012. Вып. 8. С. 174–209.
2. Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58–103.
3. Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.
4. Исаев Л.М., Коротяев А.В. Революционная волна 2013–2014 гг. : количественный анализ // Полит.Пу. 2014.21.12. URL: <http://polit.ru/article/2014/12/21/rev/> (дата обращения: 2.03.2018).
5. Tilly Ch. The Politics of Collective Violence. Cambridge, 2003.
6. Goldstone J. et al. A Global Model for Forecasting Political Instability // American Journal of Political Science. 2010. Vol. 54, № 1. P. 190–208.
7. Beck C.J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // Social Science History. 2011. Vol. 35 (2). P. 167–207.
8. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М. : Медиум, 1995.
9. Розов Н.С. Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 92–108.
10. Коллинз Р. Макроистория : очерки социологии большой длительности. М. : УРСС. 2015.
11. Невлер (Вилин) Е. К истории воссоединения Италии. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1936.
12. Кирова К.Э. Заговорщики и народ. М. : Наука, 1991.
13. Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М. : Индрик, 2001.
14. Китс Дж. История Италии. М. : Астрель. 2012.
15. Революции 1848–1849. / под ред. В.Ф. Потемкина и А.И. Молока. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. II.
16. Линтнер В. Италия. История страны. М. : Эксмо, Мидгард, 2007.
17. Дильмаер У., Гестрих А. и др. Краткая история Германии. СПб. : Евразия, 2008.
18. Ростиславлева Н.В. Либерал Давид Ганзман – поборник единства Германии и свободного предпринимательства (середина XIX в.) // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 192–206.
19. Бонвеч Б. История Германии : в 3 т. М. : КДУ, 2008. Т. 1 : С древнейших времен до создания Германской империи.

Nikolai S. Rozov, Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: nrozov@gmail.com

Yury A. Pustovoyt, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: pustovoyt1963@gmail.com

Sergey I. Filippov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: filippov07@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 238–252.

DOI: 10.17223/1998863X/44/23

THE REVOLUTION WAVE DYNAMICS: A COMPARATIVE POLITICAL ANALYSIS OF THE SPRING OF NATIONS, 1848–1849

Keywords: revolutionary waves; revolutions of 1848–49; comparative political analysis; historical patterns; revolutionary dynamics; revolutionary situation; factors of instability; socio-political crisis; national liberation struggle; delegitimisation of power; loyalty to law enforcement agencies; split of elites.

The factors and patterns of revolutionary dynamics are analysed on the empirical basis of the Italian and German revolutions of 1848–49. The article uses a theoretical-historical approach in comparative political analysis that includes shuttle movements between hypotheses and systematic comparison of cases for their verification and correction. The factors of the creation of a revolutionary situation are clarified and the hypothesis of “replenishment” of the missing factors is tested. The revolutionary wave effect is treated as an external influence of successful revolutions in neighbouring and/or highly referential societies. The principles of the interrelation in the revolutionary period of internal political dynamics and geopolitics are formulated on the basis of historical sociological and political studies generalisation. Military victory always raises the legitimacy of the victor, whose role can belong to a revolutionary government, a republic, and a counter-revolutionary monarchy. The bright military victories of the imperial centre marginalise an opposition, increase the loyalty of the border regions, and reduce the support of the separatists. External defeats intensify the political crisis at the centre of power, which weakens its military power and strengthens separatism. The external defeats of post-revolutionary regimes delegitimise not only power and leaders but also symbols, slogans and ideology of revolution. The fate of revolution depends on which field of struggle will be decisive. During the crisis period the intuitive sensitivity of the leaders to slogans and rhetoric is most significant for mobilising allies and masses. Presumably, the demonstration of involvement in such symbols, ideas, social and political projects that most closely correspond to the world picture, values, identities and actual interests of potential adherents comes to the forefront. In the most difficult cases of an approximately equal level of legitimacy for the conflicting parties, the main role is played by the ability of leaders to make both adherents and opponents believe that they have a predominant legitimacy and inevitably win. Since the majority of participants (including elites and law enforcement agencies) are opportunistic and fearful of being on the losing side, the peak of confrontation usually does not last for more than 2–3 days, after which the victorious party acquires more supporters. The approach presupposes that military and international factors, which usually serve as particularistic explanations *ad hoc*, are included here in the general concept and are formulated in universal concepts. Thus, the revealed regularities can be used for analysing a wide range of other revolutionary waves.

References

1. Goldstone, J. (2006) K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya [To the theory of the fourth generation revolution]. *Logos*. 5. pp. 58–103.
2. Goldstone, J. (2015) *Revolyutsii. Ochen' kratkoye vvedeniye* [Revolutions. A Very Short Introduction]. Translated from English by A. Yakovlev. Moscow: Gaydar Institute.
3. Tsirel, S.V. (2012) Revolyutsionnyye situatsii, revolyutsii i volny revolyutsiy: usloviya, zakonmernosti, primery [Revolutionary situations, revolutions and waves of revolutions: conditions, laws, examples]. *Oikumena*. 8. pp. 174–209.
4. Isaev, L.M. & Korotaev, A.V. (2014) *Revolyutsionnaya volna 2013–2014 gg.: kolichestvennyy analiz* [Revolutionary wave 2013–2014: A quantitative analysis]. [Online] Available from: <http://polit.ru/article/2014/12/21/rev/>. (Accessed: 2nd March 2018).
5. Tilly, Ch. (2003) *The Politics of Collective Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.

6. Goldstone, J. et al. (2010) A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science*. 54(1). pp. 190–208. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2009.00426.x
7. Beck, C.J. (2011) The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention. *Social Science History*. 35(2). pp. 167–207. DOI: 10.1215/01455532-2010-020
8. Lakatos, I. (1995) *Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh program* [Falsification and methodology of research programs]. Translated from English. Moscow: Medium.
9. Rozov, N.S. (2017) Crisis and Revolutions: Fields of Interaction, Actors' Strategies, and Trajectories of Conflict Dynamics. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 92–108. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.06.07
10. Collins, R. (2015) *Makroistoriya : ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Translated from English by N. Rozov. Moscow: URSS.
11. Nevler (Vilin), E. (1936) *K istorii vossoyedineniya Italii* [On the history of Italy reunification]. Moscow: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo.
12. Kirova, K.E. (1991) *Zagovorshchiki i narod* [Conspirators and people]. Moscow: Nauka.
13. Falkovich, S.M. (ed.) (2001) *Yevropeyskiye revolyutsii 1848 goda "Printsip natsional'nosti" v politike i ideologii* [European revolutions of 1848. "Principle of nationality" in politics and ideology]. Moscow: Indrik.
14. Keats, J. (2012) *Istoriya Italii* [History of Italy]. Translated from English. Moscow: Astrel'.
15. Potemkin, V.F. & Molok, A.I. (eds) (1952) *Revolutsii 1848–1849* [Revolutions of 1848–1849]. Vol. 2. Moscow: UISSR AS.
16. Lintner, V. (2007) *Italiya. Istoriya strany* [A Traveller's History of Italy]. Translated from English by A. Demin. Moscow: Ekskmo, Midgard.
17. Dilmaer, U., Gestrih, A. et al. (2008) *Kratkaya istoriya Germanii* [A Brief History of Germany]. Translated from German by K. Timofeeva. St. Petersburg: Yevraziya.
18. Rostislavleva, N.V. (2010) The Liberal David Ganzeman – the Advocate of Unity of Germany and Free Business. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Current History Journal*. 6. pp. 192–206. (In Russian).
19. Bonvech, B. (ed.) (2008) *Istoriya Germanii v trekh tomakh* [History of Germany in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: KDU.